

ВВЕДЕНИЕ

ВЪ

НАУКУ

ФИЛОСОФИИ.

СОЧИНЕНИЕ

Θ. СИДОНСКАГО.

Quod genus philosophandi minime arrogans, maximeque et constans et elegans arbitramur, — ostendimus.

.. Cicero de divin. Cap. 1.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТЕОГРАФИИ КОНРАДЪ ВИНГЕБЕРА.

4833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.
С. Петербургъ. 19 Апрѣля 1833 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Слабо изученіе Философіи въ нашемъ обществѣ; самоспопьятельныхъ произведеній по сей отрасли умственныхъ изысканій почти и вовсе не видно. Но при нѣхъ быспрыхъ успѣхахъ просвѣщенія, которыми столько *одолжены мы попечительнымъ распоряженіямъ мудраго Правительсва, не лзя не ожидать, чпобъ наконецъ не открылось между нами расположенія и къ собственнымъ усиліямъ въ семъ родѣ умственныхъ соображеній, который извѣстенъ подъ именемъ Философіи.*—Пробудить сіе расположеніе, указать надежнѣйшій путь, на которомъ оно должно развить свои силы, — расположить публику къ умѣреннѣйшему суду о произведеніяхъ философскихъ, а умы философскіе — къ большей скромности въ своихъ умозрительныхъ построеніяхъ: — *вопъ цѣли, копорья Сочинитель имѣлъ въ*

виду, обрабатывая трудъ свой для Публики. Всякой согласится, что достиженіе подобнаго рода цѣлей по крайней мѣрѣ не совсѣмъ въ нашей волѣ. Больше опытъ Автора зависѣло учебное достоинство самаго сочиненія, и — сколько я успѣлъ въ семъ отношеніи — будущъ судить мужи ученые, благородные. Они не упустятъ изъ вида, что я только мало по малу могъ спавить чипашеля на точку зрѣнія философскую, и, для поспешеннаго разширенія взгляда чипашелей не довольно приготовленныхъ, долженъ былъ ввести въ изложеніе своего предмета многое такое, что для знакомыхъ съ основными условіями философскихъ соображеній не пребудетъ особеннаго подтвержденія. Коренныя требованія философскаго соображенія такъ мало еще у насъ прояснены для лицъ образованія обыкновеннаго. —

Пуская въ свѣтъ свое сочиненіе, сопровождаю его желаніями, да — доброе сѣмя, какое найдется въ немъ, (дурнаго по крайней мѣрѣ я не желалъ посягать), принесетъ плодъ споричный; да мужи, движущіе ходомъ просвѣщенія, не обинуясь покровительствуютъ и сей отрасли познаній, наиболѣе имѣющей ну-

жду въ поощреніи; да сыны Россіи, призванные давати миръ народамъ своимъ мужесшвомъ, и успѣхами ума полагають прочное основаніе миру въ области умозрѣній.—Умешвенныя произведенія народовъ, предварившихъ насъ на поприщѣ образованія, не должны оспашься безплодными, перешедъ на нашу почву. Онѣ ожидаютъ опъ насъ спокойнѣйшей обработки, чтобъ приняты новую благороднѣйшую форму. Геній Славянъ долженъ современемъ и на нихъ положить печать своего величія.

Знаю, что Философія не есть наука общепригодная, что она подвергалась недоразумѣніямъ, превращенію суду и не съ первымъ появленіемъ въ обществѣ образованномъ. Совсѣмъ тѣмъ не ожидаю себѣ обвиненія за то, что представилъ ея изысканія въ томъ обличіи, въ какомъ онѣ по крайней мѣрѣ по моимъ соображеніямъ, должны бытъ — и открывашься. Глядя на сіе обличіе всякой можетъ располагашься къ нимъ любовію или недовѣрчивостію. Съ своей стороны могу только то сказать, что всѣ науки — свѣтъ; Философія — по преимуществу свѣтъ. Кто не боится свѣта, тотъ не можетъ не полюбить и Философіи.—